

К юбилею полузабытой книги (Воронцов В.П. «Крестьянская община»)

В.В. Зверев

Василий Васильевич Зверев, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Институт российской истории Российской академии наук. 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: v.v.zverev@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются основные идеи, высказанные выдающимся отечественным экономистом и публицистом В.П. Воронцовым в работе «Крестьянская община», вышедшей в 1892 году. Построенное на детальном рассмотрении сведений земской статистики, сочинение Воронцова было направлено на опровержение мнения о рудиментарности общинной организации. Для доказательства выдвигавшихся положений автор опирался на объективистский подход в отборе и экспозиции материала. Ему удалось продемонстрировать, что в пореформенное время община сумела не только сохранить присущие ей функции защиты сельского мира, но и выработать новые средства, направленные на реализацию принципов равенства и справедливости, на адаптацию жителей деревни к условиям рыночной экономики. Община активно сопротивлялась проникновению товарно-денежных отношений, однако эффективность этих средств не всегда и не везде была высокой. Индивидуалистическая тенденция набирала силу и угрожала разрушением общинной организации. Исследование Воронцова было сосредоточено на распределительно-производственных функциях общины. Финансово-податные, правотворческие, судебные функции и способы социальной защиты были проанализированы в меньшей степени. Представительская, полицейская, культурно-воспитательная, религиозная обязанности крестьянской общины исследователем не рассматривались. Практически не затронул Воронцов и вопроса о противоречиях, существовавших между общинным характером поземельных отношений и индивидуальной хозяйственной практикой крестьян. Книга Воронцова представляется настоящей энциклопедией деятельности и мировоззрения русского крестьянства второй половины XIX века.

Ключевые слова: Воронцов В.П., крестьянская община, земельные переделы, индивидуализм крестьянства, общинное и подворное землевладение, агрикультура

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-6-44

В 2022 году исполняется 175 лет со дня рождения Василия Павловича Воронцова (1847–1918), выдающегося отечественного ученого и публициста, принадлежавшего к народническому направлению общественной мысли России. На этот же год приходится и юбилей выхода в свет одной из главных его работ, книги «Крестьянская община», за которую Московский университет присудил ему половину премии имени Ю.Ф. Самарина (В.В., 1896: 58). Появление исследования Воронцова вызвало благосклонные отклики современников. Богатство фактического материала,

высокий профессионализм, непредвзятость оценок засвидетельствовали М. Раевский (Раевский, 1892: 235), В.Г. Яроцкий (В.Я., 1892: 24), а также авторы библиографических обзоров в журналах «Северный вестник» и «Русская мысль», настоятельно рекомендовавшие публике «прочсть превосходный труд г. В.В.» (Новые книги, 1892: 73; Библиографический отдел, 1892: 319). Наиболее развернутую и содержательную рецензию на «Крестьянскую общину» дал А.И. Чупров. В ее основе лежал переработанный для печати доклад в комиссии при Московском университете по присуждению премии имени Ю.Ф. Самарина. В аналитической части рецензии Чупров в первую очередь обратил внимание на проработку автором громадного комплекса материалов: Воронцов оказался первым, кто взял на себя трудную задачу «свести в одно целое, сопоставить, анализировать и по возможности научно объяснить... необъятную массу фактов» земской статистики по обследованию общинного вопроса (Чупров, 1893: 67). Наряду с этим, как отмечал Чупров, автор рассмотрел целый ряд важных вопросов крестьянской жизни, в результате его труд представлял собой «энциклопедию деревенской жизни» (Там же: 86). При очевидном сочувствии к общинному землевладению, писал Чупров, автор сумел сохранить научное беспристрастие и объективность. Так, он не пытался скрыть противообщинных (индивидуалистических) тенденций, проявлявшихся в хозяйственной деятельности крестьян (Там же: 87). Большинство из данных Чупровым оценок были, на наш взгляд, абсолютно справедливы, и не потеряли своей актуальности до настоящего времени, хотя к числу недостатков этой рецензии относится ее сугубая комплиментарность, исключая выявление слабых сторон «Крестьянской общины». Однако в дальнейшем работа Воронцова не подвергалась подобному всестороннему анализу.

Задачей данной статьи является рассмотрение содержания сочинения Воронцова сквозь призму времени, оправдавшихся и не подтвердившихся частных и общих выводов.

* * *

Отличительной и главной чертой существования русской общины Воронцов считал регулирование землепользования, поэтому не было ничего странного в том, что первым вопросом изучения в «Крестьянской общине» стала **краткая история установления коренных переделов земли**.

Воронцов выделял четыре основных способа регулирования землепользования, которые напрямую были связаны с определенными категориями крестьян, к которым он относил:

- 1) бывших помещичьих крестьян;

2) крестьян южных и восточных степей, перешедших к общинному регулированию от заимочного;

3) крестьян севера страны и некоторых местностей центральной полосы, где переход к общинному регулированию произошел после относительно длительного периода индивидуального владения участком земли;

4) бывших государственных крестьян центральной черноземной полосы, образовавших общины из юридически подворных владельцев — четвертных крестьян и вольных хлебопашцев (Воронцов, 1892: 1).

Общинное землепользование основной массы помещичьих крестьян было установлено законодательными актами отмены крепостного права, что не давало основания для выделения внутри этой категории особых типов. У других групп сельского населения наблюдались отличия, порой весьма существенные. Они не только определяли формы и методы перехода к коренным переделам земли, но и серьезно влияли на протекавшие в общинах социально-экономические процессы.

Воронцова особенно привлекало становление общинных отношений в различных регионах страны, в разное время и по-особенному перешедших к коренным переделам земли. Позднее всего эти процессы начались на юге.

От заимочного пользования землей к коренным переделам. Главным образом к данному типу относились степные южные и юго-восточные земли. Их колонизация в основном пришлась на вторую половину XVIII — начало XIX века и по большому счету не закончилась и к концу века. На начальных этапах заселения присоединенных к России земель Причерноморья и Северного Кавказа главную роль играло не земледелие, а скотоводство. Земля переходила в пользование крестьян на основе простого захвата: «кто, где и сколько владел, тем и пользовался».

Но подобная практика не могла долго сохраняться, поскольку преимущества получали состоятельные крестьяне, которые успевали запахать большее количество пашни. Бедноте доставались крохи. А это приводило к серьезным столкновениям. Сельские общины пытались бороться с подобными порядками, вводили строго определенные сроки пользования земельными угодьями, ограничивали их размеры, предоставляли бедным односельчанам известные преимущества по занятию свободных земель, предписывали одновременно начинать работу в поле и т.п. Но в связи с ростом населения добиться искомого результата становилось все сложнее.

Как отмечал Воронцов, в определенном смысле предел захватному праву положило так называемое «полюбовное размежевание» 1848 года (Там же: 3). Но, несмотря на законодательное решение вопроса, проблема оставалась: «Со стороны обездоленных начиналась агитация против многоземельных и богатых скотом, и агитация далеко не всегда мирная, а с кулачным, смертельным

боем и насильственным разорением хуторских построек. Эта агитация и привела к уравнительному распределению земли по душам» (Там же: 10).

Правда, в некоторых местах крестьяне-переселенцы следовали правилам распределения земли, существовавшим на их родине. Другими словами, действовали они по российскому образцу и лекалам. Но эти поселения составляли исключение. В большинстве местностей переделам предшествовала вольная заимка земли. Воронцов даже выводил некую закономерность: «В огромном большинстве общин степной полосы периоду регулирования путем коренных переделов предшествовал период свободной заимки земли без всякого или с неполным ее ограничением. Этот период был тем короче, чем позже образовались поселения, ибо чем ближе к нашему времени, тем гуще становится население и тем скорее наступает потребность в общественном его регулировании» (Там же: 11). К примеру, в Мелитопольском уезде, по подсчетам земских статистиков, у старых общин этот период составлял 49 лет, а в новых поселениях — не более 1–5, редко 7 лет.

Датировать время появления первых коренных переделов было крайне сложно, поскольку начались они в разное время. Однако Воронцов взял на себя ответственность утверждать, что в большинстве южных уездов этот процесс пришелся на первую четверть XIX века или даже позднее. По крайней мере, сведения по Таврической губернии указывали на то, что коренные переделы появились в 1820-е годы, но в большинстве общин (в 122 из 161) стали практиковаться в 1850–1860-х годах (Там же: 12).

Закрепились коренные переделы тоже далеко не сразу. Вначале разделу подлежали лишь ближайšie к поселению участки земли, на отдаленные продолжало действовать захватное право. Постепенно разделы стали распространяться и на них, пока под разделом не оказалась вся культивируемая земля. Позднее всего переделы коснулись приусадебных участков.

Выявленная тенденция была характерна не только для южной полосы России, но и для ее центральной части. В качестве примера Воронцов указывал на некоторые общины Трубчевского уезда, где заимочное право продолжалось до 1880-х годов. Здесь в помещичьих селениях Краснослободской волости каждый общинник занимал под пашню и покос такую площадь, какую мог осилить. Пользовался он захваченными угодьями без ведома общины (Там же: 14).

От наследственного пользования общинной землей к коренным переделам. Примеры такой трансформации Воронцов находил в жизни государственных крестьян северной части Черниговщины, где на праве «оседлой заимки» «занятый кем-либо и расчищенный из-под леса с большими усилиями участок земли оставался во владении семьи расчистившего и мог быть ею продан или уступлен всякому хотя бы и не принадлежавшему к составу общества» (Там же: 19).

Перелом в сознании крестьян совершался постепенно. Первые признаки недовольства существовавшими порядками стали проявляться, когда вся свободная земля оказалась занятой, а разраставшаяся численность крестьянских семей требовала расширения эксплуатируемой площади. Другим побудительным мотивом стал перевод платежей с земли на ревизские души, что привело к накоплению недоимок. В совокупности все это заставило перейти к периодически повторяющимся общим переделам (Там же: 20).

От семейно-наследственного владения землей к общинному. Многочисленные факты данной эволюции Воронцов находил в так называемом четвертном землевладении. Хотя история существования этой категории крестьян была еще слабо изучена, Воронцов считал четвертных крестьян «потомками служилых людей, поселенных на окраинах государства с целью защиты от набегов неприятелей». Значительная часть этого полу-привилегированного населения была зачислена ревизией 1719 года в податной оклад, а полное «приравнение» однодворцев к крестьянам произошло в 1840-е годы (Там же: 21–22).

Четвертные крестьяне пользовались пахотными угодьями, сенокосом и лесом на условиях частного права, когда только пахотная земля была разбита на постоянные наследственные участки. Сенокос и лес периодически разверстывались пропорционально величине долей в пахотном поле. Постепенно существовавшая система в огромном числе случаев трансформировалась в уравнительное душевое владение на общинном праве (Там же: 22). Но этот процесс происходил «в разных местностях далеко не равномерно» (Там же: 27), бывали и случаи «превращения земли, бывшей в общинном владении, в подворную собственность» (Там же: 25).

Собрав имеющиеся сведения по данному вопросу, Воронцов представил материал о времени перехода к общинному владению четвертных крестьян в таблице. По наблюдениям над 112 обществами различных уездов выходило, что 5 из них совершили переход еще в XVIII веке; 11 — в 1820-х годах; еще 20 — в 1830-х; 17 — в 1840-х; 35 — в 1850-х; 24 — в 1860-х годах (Там же: 29). Накопленные данные также давали возможность сделать вывод о том, что «обращение четвертного владения в душевое происходило ранее в восточных местностях России, нежели в центральных» (Там же: 20).

По мнению Воронцова, этому процессу способствовало три главных обстоятельства: Генеральное межевание конца XVIII века, реформа государственных крестьян графа П.Д. Киселева и специальное пореформенное межевание.

Генеральное межевание XVIII века отводило землю не каждому однодворцу отдельно, а целому селению. Ее разверстание отдавалось на откуп крестьянам. Из-за запутанности поземельных отношений и малоземелья крестьян наделы стали выделяться по количеству душ (Там же: 30–31).

Новый толчок этому процессу придало благожелательное отношение общины к реформе графа Киселева, которая в фискальных целях подчиняла однодворцев закону о круговой поруке в платеже податей. В этом отношении желание властей совпало с желанием народа, а «предложение правительства совпало с мыслью большинства» (Там же: 33).

Наконец, третья причина — размежевание пореформенных десятилетий, направленное на уничтожение чересполосицы. Поводом для него, как правило, становилась запутанность вопроса о праве на землю, чрезмерная дробность участков и неравномерное распределение земли, приводившее к недостаточности земельных угодий для пропитания семей. Большинство обществ пришло к выводу о правильности решения поравнять землю по ревизским душам (Там же: 35).

В том, что в большинстве случаев удалось достаточно безболезненно решить вопросы с размежеванием, Воронцов видел свидетельство развития «...социальных чувств в населении и отсутствии того индивидуализма, развивающегося на почве частной собственности, который является большим препятствием к мирному разрешению поземельных отношений». При этом он добавлял: «Но если, не ограничиваясь единовременным переделом земли, общество вводило его в обычную практику, это доказывает нечто большее, чем социальную покладистость населения; оно свидетельствует о сочувствии массы к идее, определяющей тот или другой склад социальных отношений» (Там же: 36–37).

Конечно, переход к общинному владению был сложным, требующим решения подавляющим числом голосов крестьян. Во время его обсуждения на сходах сталкивались интересы многоземельных и малоземельных общинников. В конечном итоге главным становилось мнение середняков, которое и перевешивало чашу споров. В целом, как считал Воронцов, «переход четвертного землевладения в общинное совершается потому, что последняя форма быта считается массою лучше удовлетворяющей его потребность в настоящем и будущем» (Там же: 43). «В тех случаях, когда переход на души совершался не целым обществом, несогласные отделялись и составляли особое общество, обыкновенно владеющее землей на четвертном праве...» (Там же: 47).

В отношении возможности перехода от четвертного землевладения к общинному в 1890-е годы Воронцов был более скептичен. Оно представлялось ему «гораздо более затруднительным, чем это было ранее, когда вдобавок ко всему прочему и самая земля не имела большой цены. Что же касается стремления к такому превращению, то оно существует в значительных размерах» (Там же).

Кроме четвертных Воронцов остановился и на судьбе других групп крестьян, владевших землей на подворном праве. В первую очередь к ним относились так называемые «вольные хле-

бопашцы». Став собственниками земельных участков по указу 1803 года, они к концу XIX века, согласно сведениям, имевшимся у Воронцова, в подавляющем числе владели землей на основе общинного права (Там же: 49). К общинным порядкам также перешли и ранее владевшие землей подворно иностранные колонисты в Тираспольском, Одесском, Бердянском, Острогжском уездах (Там же: 53–54).

Среди русских крестьян, владевших землей на условиях подворного права, числились и некоторые крестьянские общества, получившие земли в семейное наследственное владение в Поволжье от правительства. Так, в Самарском уезде имелось 103 таких общества, образованных в 1840–1860-х годах, когда власть хотела испытать, как среди переселившихся крестьян привьется эта форма владения. По земско-статистическим опросам, из 59 таких деревень в Петропавловской волости 56 заявили, что они хотели бы перейти на передел земли по душам. Причины подобного решения крестьяне видели в том, что «много стало безземельных», «пьяницы и ленивые хозяева много земли продают», «друг у друга полосы запахивают, и на это обществу нельзя жаловаться», «сильные домохозяева отбивают землю у слабых». В указанных деревнях идея о равномерной разверстке земли поддерживалась безземельными и малоземельными крестьянами, а в некоторых обществах за нее выступало большинство населения (Там же: 54–55).

Все рассмотренные Воронцовым способы обращения крестьян к коренным переделам земли объединяло относительно недавнее начало их использования. С одной стороны, для него это служило свидетельством признания сельскими жителями эффективности наделения равными по своему качеству участками. С другой стороны — подтверждалась самодеятельность сельского мира в решении принципиального и жизненно важного вопроса сохранения согласия и взаимопонимания среди земледельцев. Вывод напрашивался сам собой: если в таких масштабах крестьяне выбирали общинную форму, значит, речь не могла идти об их косности и приверженности старине.

Идея передела в общине, по наблюдениям Воронцова, продолжала жить и развиваться в течение 30 лет, минувших после отмены крепостного права. Правда, она получила разное воплощение у бывших государственных и помещичьих крестьян.

Государственные крестьяне давно выработали обычай периодического перераспределения земли. Еще в дореформенную эпоху переделы совершались, как правило, в момент ревизии, в связи с чем эти явления слились в крестьянском сознании в одно целое. Передел превратился в такой же акт государственной инициативы, как и ревизия, как «санкционированный каждый раз в глазах народа верховной властью или как совершившийся в определенный момент», поэтому он «проходил спокойно, без споров и замешательства» (Там же: 57). Отсутствие ревизий после 1858 года заста-

вило государственных крестьян изменить свои взгляды и считать передел актом не общественным, а мирским, когда сроки переделов зависели от воли отдельной общины. Но для такой перемены в мнениях потребовалось 20–30 лет (Там же: 58).

Иную картину представляли убеждения помещичьих крестьян. При крепостном праве разверстание находилось в руках мира только оброчных имений. В барщинных хозяйствах все определялось волей помещиков, которые отдавали предпочтение разверстанию земли по тяглам. Поскольку барщинные имения преобладали, то Воронцов вполне резонно указывал, что в дореформенную эпоху крестьянин «в большинстве случаев не знал свободного регулирования землепользования» (Там же: 61).

Получив свободу, бывшие помещичьи крестьяне оказались перед выбором единицы разверстания отведенной земли. Главным стало отношение повинностей к доходности полученного надела. В Малороссии или в местностях, где земля окупала платежи (Херсонская, Курская губернии, южные уезды Рязанской, Орловской губерний и др.), крестьяне перешли от традиционной тяглового системы к ревизской разверстке земли и продолжали ее использовать в начале 1890-х годов. Главным вопросом в этих местностях являлось отношение к коренным переделам земли как средству уравнивания членов общины (Там же: 61).

В другой группе уездов, где доходность земли была не столь очевидна, крестьяне использовали несколько приемов уравнивания наделов. Вначале крестьяне попытались отказаться от тяглового разверстания и по примеру соседних государственных крестьян перейти к ревизской системе. И там, где различие между реальными и ревизскими душами не было разительным, там «распределение земли... хорошо удовлетворяло требованию соответствия величины надела потребностям семьи в пропитании», и сама система сохранялась надолго (Там же: 61–62). Участки земли, оставшиеся незанятыми после смерти или отлучки члена общины («выморочные» или «переселенческие»), легко брались родственниками или даже посторонними по согласованию с заинтересованными лицами. Община практически не вмешивалась в поземельные отношения, а землевладение приобретало почти подворную форму. Воронцов считал, что «такое состояние не благоприятствовало развитию общинного духа; общинный инстинкт (насколько таковой существовал у крепостного крестьянина), общинная мысль не имели импульсов к работе; частная инициатива и самостоятельность по отношению к земле получили широкое развитие» (Там же: 63–64).

Напротив, там, где платежи не соответствовали доходности, ревизская разверстка не давала желаемого результата, а община сталкивалась с новыми проблемами. Хозяева некоторых участков отказывались от предлагаемой земли. Если их количество было достаточно велико, то приходилось брать в расчет состоятельность

семьи и способность управляться с землей. В ход шел способ разверстки «по силе», «по работникам». Тем самым корректировалась ревизская система. Иногда это происходило сразу, иногда к ней приходили постепенно через перераспределение оставленных наделов со слабых семей на сильные. Осуществлялось это путем так называемых «свалок-навалок» (Там же: 64). По своей сути данный процесс означал возвращение к прежней тягловой системе. Распространен он был в северной и центральной части Рязанской, в Самарской и Московской губерниях (Там же: 68–69).

Но на этом поиски наиболее приемлемой формы разверстки земли не закончились. В 1880-е годы доходность наделов стала возрастать, а арендные цены на землю повысились. Крестьяне, ранее отказавшиеся от наделной земли, а чаще их дети, стали требовать ее вернуть. Естественно, подобные действия не могли не встретить сопротивления тех крестьян, которые пользовались их участками, когда земля была дешева, а повинности высоки. В большинстве случаев мир считал справедливым возвращение наделов. В результате «в некоторых общинах, — писал Воронцов, — ревизские наделы были многим возвращены; в других — требование их привело к переделу земли по ревизским душам или по наличным; в третьих — дело пока находится в неопределенном положении и может кончиться либо возвращением некоторых наделов, либо общим равенением земли» (Там же: 71).

Сущность обозначившихся противоречий Воронцов видел в столкновении производительной и потребительной норм разверстки общинной земли. Именно для реализации распределения угодий по производительной норме служили периодические «свалки-навалки» (Там же: 73). Однако с ростом доходности земли это средство потеряло смысл, поскольку главным стало приведение «размеров семейных участков в соответствие с числом едоков; но для удовлетворения этой цели пригоднее другое средство — общие (а не частные) коренные переделы» (Там же: 77). Слабой стороной «свалок-навалок» являлось то, что они вели к неустойчивости семейных участков и развивали «сильную и нецелесообразную» чересполосицу. Воронцов отдавал предпочтение общим переделам по нескольким причинам. По его мнению, «подушная разверстка земли, имеющая целью обеспечение продовольствия семьи и принимаемая общинами там, где земля дает чистый доход, может сохраняться неизменно очень долго, как потому, что крестьянин приобретает средства существования отработкою не только своей, но и наемной земли, и недостаток надела может пополнять арендой или доходом с промысла, так и потому, что сжимание и расширение потребления мало отражается на общем ходе хозяйства, — а известно, что крестьянин гораздо больше дорожит интересами производства, чем потребления» (Там же: 78).

Описав основные формы разверстания земли у государственных и бывших помещичьих крестьян, Воронцов фиксировал несо-

мненный факт того, что первая категория крестьян начала переход к переделу земли по душам в первой половине 1870-х годов, когда были зафиксированы только единичные случаи. В конце 70-х — начале 80-х годов XIX века это стало у них всеобщим явлением (Там же: 79–80). Бывшие помещицы крестьяне пришли к этому позднее. Принципиально важным для народнического экономиста являлось то, что этот процесс, хотя и развивался медленнее, чем у бывших государственных крестьян, но приобрел всероссийские масштабы.

Однако, констатируя этот несомненный, как ему казалось, факт, Воронцов отнюдь не был склонен представлять его в виде бесконфликтного процесса. Напротив, община представлялась ареной, на которой шла постоянная, то затихающая, то вновь разгорающаяся *борьба за переделы*. Воронцова интересовали мотивы, в том числе и психологические, которыми руководствовались противники и сторонники переделов.

К числу первых относились семьи с большим числом умерших душ, а также кулаки-мироеды, захватившие в свои руки наделы переселенцев и других общинников. Указывал Воронцов и на объективную причину несогласия на переделы, которая объединяла состоятельных и бедных членов общины: «Где плоха почва или очень тяжелы платежи, там против передела стоят бедные и малоземельные крестьяне, думающие, что им трудно будет справиться с большой тягостью, связанной с расширением их участков» (Там же: 102).

Аргументы против переделов у бывших государственных и бывших помещичьих крестьян различались. Первые напирала на то, что раньше передел всегда совпадал с проведением ревизии, следовательно, передел по инициативе мира является незаконным (Там же: 103). Состоятельные крестьяне из числа бывших помещичьих указывали на тот факт, что многоземельные сельские жители понесли большие траты в виде издельной повинности, выкупных и оброчных платежей, когда земля еще не стоила столь дорого. Кроме того, обращали внимание на неодинаковую степень обработки и удобренности участков разных семей (Там же: 104). В ответ на эти замечания сторонники переделов утверждали, что эксплуатация большего, чем полагалось, количества земли давно окупала понесенные траты, в то время как лица, имевшие ее меньше, чем полагалось, понесли гораздо большие потери, арендуя недостающие угодья (Там же: 108).

Воронцов был прекрасно осведомлен, что разногласия среди общинников отнюдь не выливались в формы академической дискуссии. Для доказательства справедливости собственной точки зрения противники переделов не ограничивались простой агитацией, а грозили «насилием, даже смертоубийством», иногда прибегали «к прямым подлогам и обманам», пытались задержать проведение передела «подкупом, опаиванием и т.п.». Бывали случаи, когда недовольные переделом отказывались брать предназначенный им

участок земли и в знак протеста «засевали старые полосы» (Там же: 110–111). Сторонники переделов также не стеснялись в средствах, использовали насилие, чтобы «добиться составления законного большинства». Прибегали они к угрозам и к «выволочкам». Еще одной из форм насилия Воронцов считал пассивное сопротивление, когда безземельные крестьяне отказывались отбывать повинности (Там же: 111–112).

Указывая на происходившие столкновения, Воронцов тем не менее подчеркивал, что община чаще всего стремилась примирить разные подходы. Так, «для смягчения протестов против передела община постановляет давать землю не всем наличным душам мужского пола, а начиная с известного возраста... Еще чаще против передела составляют приговор, чтобы удобренные или ближайшие к усадьбе участки полевой земли не подвергались переделу... благодаря чему против передела перестают протестовать члены общины, опасаящиеся, что их труды по возвышению культуры не будут ими использованы в полной мере» (Там же: 112–113). В свою очередь, и противники переделов шли на уступки: «принимают меры к устранению наиболее резких проявлений неравномерности в существующем распределении земли, соглашаются на частые переделы и в крайнем случае уступают наделы умерших ревизских душ» (Там же: 113). В конечном итоге взаимные уступки часто приводили к примирению и компромиссу.

Кроме перечисленных причин переделы задерживались и условиями хозяйства: значительной недоимкой, лежащей на обществе, чрезмерной чересполосицей. Еще достаточно сильной была и надежда на то, что государство обеспечит безземельных необходимым наделом. Сказывалось также опасение, что с увеличением разверстных единиц начальство обложит налогом новые души. Наконец, нельзя было сбрасывать со счетов и неумение крестьян определить единицу разверстки, преодолеть технические трудности, вызываемые переделом (Там же: 115–117).

Указанные причины Воронцов относил к так называемым внутренним факторам. Но он не останавливался только на них, и обращался к внешним объективным причинам.

В первую очередь народнический экономист указывал на то, что переделы легче совершаются в крупных общинах, поскольку значительный размер надела способствовал равнению земли между крестьянами, и земледелец, у которого сокращалось землепользование, получал ее все-таки в достаточном количестве, чтобы занять наличные рабочие силы. Напротив, в общинах с малым количеством земли стремление к переделу (равнению) пропадало даже у малоземельных крестьян (Там же: 119–120).

Сказывалось и влияние хорошего качества земли. Высокая доходность наделов обостряла борьбу за передел: старые владельцы упорнее держались за старые участки, а малоземельные члены общины настойчивее стремились расширить имевшиеся у них

площади. Особенно сильно это проявлялось в тех местах, где было мало сдаваемой в аренду земли: «Сокращение участка после передела грозит многим членам общины таким уменьшением дохода от хозяйства, что его не хватит на удовлетворение потребностей семьи, а снять землю на стороне оказывается очень затруднительно» (Там же: 123).

Отмечал Воронцов и такой фактор, как «быстрое размножение населения» и семейные разделы. Чем быстрее росло население, тем больше было несоответствие между числом наличных душ и количеством земли, распределяемом при ревизии. Семейные разделы способствовали проведению переделов тем, что давали возможность быстрее образоваться большинству в $\frac{2}{3}$ числа голосов, необходимому для принятия решения. Правда, для старших в семье опасность раздробления надела побуждала «держаться за ревизскую разверстку земли», поскольку она стесняла семейные разделы. Однако утверждение, что старики были опорой «общинного гнета», являлось, по мнению Воронцова, заблуждением. На сохранении общинных порядков настаивала и молодежь, не только из-за материальных интересов, а и по нравственным причинам (Там же: 127–128).

Кроме названных мотивов к числу факторов, влиявших на проведение переделов, относились степень развития промыслов (в том числе и отхожих), грамотность населения, уровень благосостояния, степень его равномерности и т.п. (Там же: 130).

Наряду с этим Воронцов особенно выделял тот факт, что в общинах за передел земли выступали не только те домохозяева, участки которых должны были увеличиться или остаться неизменными, но и те, кто явно должен был получить меньшее количество земли. На основании этого он делал вывод о том, что побудительными мотивами являлись не только эгоистические интересы, но и «идеалистические свойства», давление общественного мнения, известная привычка и привязанность к общинным порядкам. Нравственные принципы находили свое отражение в многочисленных приговорах сходов. При их рассмотрении выяснялось, что наиболее часто крестьяне обращали внимание на необходимость облегчить положение членов общины, чрезмерно обремененных платежами, равномернее распределить запущенные недоимки, решить проблему так называемых пустовых душ, за которые требовалось уплачивать подати. «Иначе говоря, — заключал Воронцов, — население отдает предпочтение общине, как социально-бытовой форме, как организации, представляющей не только известные выгоды в настоящем, но и серьезные гарантии за будущее» (Там же: 137–138, 140).

В подтверждение собственного мнения народнический экономист ссылаясь на проведенный опрос крестьян Московской губернии статистиком В.И. Орловым, по наблюдениям которого выходило, что многие крестьяне просто не представляли иной формы

землевладения, кроме общинной. «В тех общинах, где хозяйство всех или большинства дворов находится в исправном состоянии,... стоят за сохранение мирского землевладения, — писал Воронцов. — ...В общинах же, где земледельческое хозяйство большинства дворов находится в упадке,... наиболее состоятельные крестьяне сочувственно относятся к подворно-наследственному владению, при котором была бы уничтожена круговая порука и устранены переделы земли. Но притом никто не высказывается за уничтожение чересполосности владения и за округление подворных участков; наоборот, почти все настаивали на том, что разверстание мирской земли на округленные подворные участки было бы не выгодно в хозяйственном отношении... Что же касается до крестьян бедных, маломощных, то те из них, которые поддерживают свое земледельческое хозяйство, крепко стоят за сохранение мирского землевладения, как за единственное условие своей хозяйственной самостоятельности; те же крестьяне, которые лишились возможности вести земледельческое хозяйство... как и наиболее состоятельные, желали бы замены мирского землевладения подворно-наследственным, дабы иметь возможность навсегда отказаться от земли и тем освободить себя от связанных с ней платежей. Наконец, есть малочисленный разряд крестьян, по мнению которых мирское землевладение с круговой порукою невыгодно, потому что лишает их возможности скупать землю малосильных дворов и недоимщиков. К этому разряду принадлежат крестьяне-капиталисты...» (Там же: 141–142).

Сторонники общинного владения землей придерживались того мнения, что при переходе на подворную систему при сохранении чересполосности «некоторые хозяева внесут такие изменения в севооборот, которые сделают невозможным пастьбу скота на общем пару» (Там же: 142). При этом удобрение земли не только не увеличится, но может и сократиться. Подворное владение приведет к такому дроблению собственности, что многие участки придется продать. Противники общины, в свою очередь, утверждали, что при ней исправный хозяин вынужден работать за других, при переделах они лишаются лучшей земли. При частном же владении эти недостатки были бы устранены. Кроме того, богатый крестьянин мог бы «округлить» свой участок за счет соседей (Там же: 142–143).

По мнению Воронцова, «масса средних и бедных хозяев стоят за общину по причине разнообразного качества почвы и неодинакового расстояния полей от усадьбы, а также потому, что бросивший почему-либо хлебопашество, сохраняя в общине право на землю, может, поправившись, возвратить свой участок, при подворном же владении теряет его навсегда» (Там же: 143).

В переделах проявлялось желание уравнивать тягости, лежащие на безземельных и малоземельных членах общины по отбыванию воинской и мирских натуральных повинностей, к которым отдель-

ные дворы привлекались по величине рабочего состояния семьи. В связи с этим к числу причин переделов Воронцов относил и введение воинской повинности, согласно которой с 1878 года в солдаты пошли молодые люди, родившиеся после ревизии и потому оставшиеся без земли (Там же: 145–146). По сравнению с основными мотивами переделов другие, более второстепенные, носили преимущественно сельскохозяйственный характер: желание устранить разнокачественность участков, их раздробленность в результате семейных разделов, стремление удержать на примерно одинаковом уровне удобряемость полей или разработку общинной земли, сделать более широкими душевые полосы, уменьшить чересполосицу, получившим распространение в результате «свалки-навалки», а в некоторых случаях причиной становилась простая «жадность к безземельным» (Там же: 146).

Рассуждения Воронцова о причинах борьбы между сторонниками и противниками проведения переделов объективно подводили его к заключению о способности общины обеспечить справедливое распределение земли между членами сельского мира. Напрямую он не делал такого заключения, но логика его рассуждений и способ представления материала подводили читателя к этому выводу. Последовательное перечисление Воронцовым объективных (как внутренних, так и внешних), а также субъективных (морально-психологических) причин выбора крестьянами общинной формы землевладения служила демонстрацией их веры в возможность обеспечить при существовавших порядках справедливость и высокую нравственность межличностных отношений.

Но Воронцов покривил бы душой против истины, если бы пытался игнорировать процессы иного толка, в первую очередь зафиксированные *индивидуалистические течения в современной общине*. Первым их проявлением народнический экономист считал развитие личных прав отдельных членов общины и безучастность мира в распоряжении общественной землей. Они были свойственны главным образом бывшим помещичьим крестьянам в местностях, где существовал большой спрос на землю со стороны «промышленных классов». Признаком преобладания личного начала, по мнению Воронцова, являлось развитие права хозяина распоряжаться своим участком — дарить, продавать, завещать. Это право дополнялось невмешательством общины в определение величины участков своих членов, как это наблюдалось, например, во многих местностях черноземной полосы, где участки отдельных лиц оставались неизменными в течение нескольких десятилетий (Там же: 155–156, 158).

Естественно, такая обстановка формировала отрицательное отношение к переделам земельных угодий. На это явление Воронцов смотрел «не иначе как на переходный момент в эволюции общинно-земельной идеи...». Лозунгом данного этапа могли стать слова одного из крестьян южных губерний: «Хиба кто позволит, щоб его

наделы перешли кому-нибудь другому: 20 лет каждый из нас выкупал землю, не допивая, не доедая, а тут изволь отдать их другому ни за что, ни про что. Коли уж на то пошло, щоб у мене отнять часть наделов, то пусть тот, кому они достанутся, заплатит мне за раз весь тот выкуп, который я вносил ежегодно в продолжение 20 лет» (Там же: 16, 166).

Следующим шагом в направлении индивидуализации хозяйственной деятельности становился *приговор о переходе к подворному владению*. Эта тенденция наиболее явно проявлялась среди бывших помещичьих крестьян в тех местах, где земля дорожала и где было мало государственных крестьян, как, например, в Харьковской, в некоторых уездах Курской и Петербургской губерний. Здесь «подворное владение, по-видимому, пустило корни еще в пореформенное время, и новейшая эпоха лишь наследовала порядки, разившиеся ранее» (Там же: 156, 161).

Однако Воронцов считал переход к подворному владению не следствием осознания членами общины преимуществ данного способа хозяйствования, а преимущественно недоразумением, вызванным желанием избавиться от круговой поруки или влиянием сильных членов общины, стремившихся подобным способом закрепить за собой выгодное для них распределение земли. Настоящими случаями разрушения общины Воронцов предлагал считать лишь те, которые происходили при составлении приговора и перерезке земли в натуре с отведением участка в одно место (Там же: 170).

Воронцов не только констатировал выявленную тенденцию, но и пытался определить ее причины. На первом месте, по наблюдениям земских исследований, находился выкуп крестьянами своих угодий. Поскольку выкуп превращал землепользователя в собственника, то общинник считал, что ему должна будет принадлежать земля, находившаяся у него от передела до передела. Очень часто причиной становилась боязнь круговой поруки. Еще одним поводом являлось желание продать землю, реже — сельскохозяйственные соображения. Например, желание сохранить возможность использовать сделанные сельскохозяйственные улучшения (Там же: 175–177).

Изучение Воронцовым приговоров сходов убедило его в том, что многие из них были сделаны поспешно, без серьезного изучения их последствий. Не учитывались, например, возможности исправить существовавшие недостатки при помощи общины. К тому же приговоры, как правило, были лишены юридической силы. Опираясь на имевшиеся в его распоряжении сведения, Воронцов приходил к выводу, что случаи действительного, а не формального перехода к подворному владению в черноземной полосе были весьма редки (Там же: 179).

Наряду с превращением мирского владения в подворное народнический экономист отмечал такое явление, как *выкуп общинной*

земли отдельными крестьянами, которое, на его взгляд, также свидетельствовало о стремлении крестьян стать собственниками. Сгруппировав имевшиеся сведения, Воронцов пришел к выводу, что операция данного рода встречалась крайне редко, и в нечерноземных местностях практиковалась чаще, чем в черноземных (Там же: 197).

Мотивы выкупа были различны. Главным образом они относились к желанию переселенцев получить от общества увольнительные свидетельства, без которых невозможно было устроиться на стороне. А они выдавались только при условии выкупа земельного надела. Кроме того, наделы приобретались с целью продажи для получения средств к переселению. Еще один повод состоял в боязни круговой поруки. Эта боязнь особенно была свойственна лицам, перебравшимся в город на хорошие заработки, но не желавшим причисляться к мещанам или купцам. Еще одна причина состояла в том, что некоторые крестьяне стремились обезопасить себя от сокращения участка земли при переделе и желали свободно хозяйничать на принадлежавшей им земельной собственности (Там же: 197–198, 203–205).

Из имевшихся в распоряжении Воронцова материалов следовало, что, как правило, земля, перешедшая в собственность, оставалась в чересполосице с общественными угодьями, хотя по закону владелец мог требовать ее отведения в одно место. Редкость подобного шага объяснялась как осознанием неудобства заводить особое хозяйство на небольших по размеру участках, так и теми препонами, которые ставила община выделу земли из состава мирской (Там же: 206).

В целом, одной из основных причин слабого развития досрочного выкупа Воронцов считал малоценность земли и высоту налогового обложения. Именно поэтому наиболее интенсивно участки досрочно выкупались не в плодородных местностях, а в промышленных губерниях (Владимирская, Ярославская, Московская, Тверская, Костромская), где были развиты неземледельческие заработки, существенных успехов достигло денежное хозяйство, а население демонстрировало высокую социальную развитость (Там же: 210–211).

По мнению Воронцова, несмотря на крайнюю ограниченность выкупа земли в начале 1890-х годов, в дальнейшем этот процесс должен был усиливаться. Вызывалось это тем, что к концу XIX века значительная часть ценности земли помещичьих крестьян уже была покрыта выкупными платежами, а реальная продажная цена возросла в огромной степени по сравнению с оценкой земли для выкупа. Возрастал искус обратиться землю в собственность за полцены или нажиться на ее перепродаже по цене, в 3–5 раз превышавшей суммы, внесенные в казначейство. Такая опасность была весьма серьезной, и в целях ее предотвращения Воронцов предлагал отменить 165 статью Положения о выкупе, которая давала «возмож-

ность одному богатому крестьянину обратить в свою исключительную собственность землю, на половину и две трети выкупленную другими — бедняками, не имевшими средств для уплаты всего выкупного долга» (Там же: 211–213). Отмена статьи казалась Воронцову желательной еще и потому, что ее применение ограничивалось только бывшими помещичьими крестьянами и не распространялось на государственных. Воронцов в очередной раз стремился сохранить общинные права, предотвратить разрушение крестьянского мира. Желание народнического экономиста сделать досрочный выкуп наделов отдельно от общины невыгодным совпадало и с общими настроениями общины.

Продажа земли целым обществом представлялась Воронцову явлением совершенно недопустимым. Правда, по его наблюдениям, подобная практика встречалась крайне редко и преимущественно в пригородных и промышленных местностях.

Нет необходимости приводить аргументы в доказательство того, что Воронцов был последовательным и принципиальным противником перехода крестьян на путь индивидуального хозяйствования и выдела из общины. Сельский мир представлялся ему хотя и ослабленным индивидуалистическими тенденциями, но все еще надежным убежищем от негативных последствий капиталистической эволюции России. С целью доказательства справедливости принимаемых общиной решений в вопросах распределения участков Воронцов охарактеризовал разные **системы разверстки крестьянской земли**.

Наиболее старой, существовавшей еще при крепостном праве, была тяговая (тяговая) система. Она в значительной степени уже устарела, видоизменялась в течение 30 лет, прошедших после реформы 1861 года, или переходила в другие системы. Но существовали и общины, в которых ее использование продолжалось. Как правило, такие общества отличались небольшими размерами (несколько дворов или же несколько десятков дворов), небольшим наделом, разбросанным в нескольких кусках. «В такой небольшой общине, — писал Воронцов, — скорее может сохраниться равномерность в распределении земли, отсутствовать протест против старой разверстки из-за нравственных... мотивов, и потому в них более возможно сохранение старого обычая, который рушится при других условиях. ...Распределение земли по душам, а не дворам... привело бы к слишком большой дробности отдельных участков земли, способной очень затруднить ее обработку» (Там же: 225).

Другая старинная система разверстки земли — по ревизским душам — также отживала, по мнению Воронцова, свой век (Там же: 226). После отмены крепостного права крестьяне получили землю по числу мужских душ в списке X ревизии. Но в любой системе существуют исключения. Так произошло и с разверсткой по ревизским душам. Кто-то из сельских жителей отсутствовал по месту жительства, какие-то семьи сами отказывались от ча-

сти надела, и их участки передавались другим членам общества. Из-за низкой цены земля перераспределялась и на вновь пришедших членов. К тому же после последней ревизии прошло уже много лет, и приближался день, когда все ревизские души вымрут. В результате естественной убыли общины вынуждены были прибегать к различным поправкам к проведенной ранее разверстке. Поэтому в общинах начала 1890-х годов нельзя было встретить ни одной, где земля была бы распределена по ревизскому составу (Там же: 227).

В качестве переходной от старой к новым системам Воронцов называл разверстку наделов по «живым» или «наличным ревизским душам» и так называемую «смешанную» разверстку. «Разверстка по живым ревизским душам, — отмечал Воронцов, — наблюдается в обществах, где землей дорожат и от нее не отказываются; разверстка по наличным ревизским душам начинает входить в практику в общинах, где бывают большие выселения или частые отлучки многих крестьян на продолжительное время на заработки с оставлением земли на обществе» (Там же: 235).

Смешанная разверстка была построена на ревизском и наличном подходе. При ней землю получали все наличные души, но записанным в ревизии полагался больший по размерам участок, а родившимся после ревизии — меньший. Другая модификация смешанной разверстки состояла в выделении одинакового количества земли только на живые ревизские и старшие не-ревизские души. Смешанная система, как правило, приходила на смену ревизской и устанавливалась путем не общего, а частного передела, когда по приговору схода с ревизских хозяев снимали наделы умерших ревизских душ и передавали наличным (не-ревизским) душам. Она являлась своего рода компромиссом. Иногда это был «компромисс между справедливыми требованиями безземельных и эгоистическими стремлениями большеземельных членов общин, пользующихся отсутствием ревизии для того, чтобы отдалить коренные переделы по наличным душам: они соглашались уступить наделы умерших членов и этим на время сохранять свои, хотя и сокращенные, но все-таки превышающие долю наличной души участки. В других случаях... — неординарное наделение землей ревизских и не-ревизских душ имеет этическое оправдание в той тягости повинностей, какую вынесли ревизские хозяева в первые годы после ревизии... и каких не знали члены общины, родившиеся и выросшие при новых порядках» (Там же: 236).

Именно стремление к справедливому распределению земли лежало в основе новых систем разверстки земли. Они были основаны на принципе равнения. Но он неминуемо вел к наделению землей в соотношении между ее производительностью и платежами, лежащими на ней (Там же: 243). В зависимости от того, насколько доход от земли был больше или меньше суммы повинностей, на первый план выдвигалось или уравнение выгод пользования участка-

ми, или равномерное распределение податной нагрузки. В первом случае мерой участия каждой семьи в пользовании угодьями становились потребности. Во втором — платежная сила и лежащая в ее основе производительная способность. Другими словами, использовалась или потребительская, или производительная норма (Там же: 244).

Именно такую классификацию для Московской губернии первым предложил Орлов. В дальнейшем она получила подтверждение и в других местностях России. Как показывали собранные материалы, распределение земли по производительной норме происходило преимущественно у бывших помещичьих крестьян, наделы которых были обложены высокими платежами. У бывших государственных и удельных крестьян она встречалась лишь в общинах с плохой почвой. В черноземных районах господствовала подушная разверстка. Но с течением времени и ростом доходности земли производительная разверстка постепенно превращалась в разверстку по потребительской норме. Выведенный Орловым принцип в целом подтверждался, но существовали и некоторые исключения, отличавшиеся «гораздо большим разнообразием и подвижностью» (Там же: 247–248).

Итак, существовавшие системы разверстки земли, приспособляемые общиной к конкретной местности, давали возможность, если не удовлетворить потребность крестьян в пашенных угодьях, то, по крайней мере, минимизировать негативные последствия малоземелья. Принципы справедливости и равенства, которыми руководствовались сельские жители, не только давали, по мнению Воронцова, возможность избежать разорения значительной части общинников, но и добиться относительной социальной стабильности, внутриобщинного мира.

В этом контексте логичным и обоснованным выглядело обращение Воронцова к рассмотрению **состава лиц, участвовавших в пользовании мирской землей**. По его мнению, община конца XIX века допускала отступления от существовавших систем разверстки земельных угодий. Основаниями для этого являлись: непостоянство действительного состава общины и несоответствие между лицами, числившимися в общине и фактически принадлежавшими к ней. В пореформенное время «натуральное хозяйство стало обращаться в денежное, патриархальное — в коммерческое со всей неустойчивостью, свойственной работе на неопределенные рынки», «нарушение прежней однородности состава пошло быстрыми шагами» (Там же: 298). Состав сельских обществ то расширялся, то сужался по сравнению с тем положением, которое существовало при последовательном проведении коренного передела земли.

Все чаще община прибегала к исключению из числа наделяемых земель лиц, которые давно отсутствовали по месту проживания (т.н. «шалтаев»). Исключению также подлежали недоимщики и не-

исправные плательщики податей. Кроме того, членами общины переставали считаться крестьяне, хотя и жившие на земле, но не занимавшиеся хлебопашеством (Там же: 300, 302). Обычаи и правила общин, применявшиеся в отношении этих крестьян, были разнообразны, но итог, как правило, один и тот же.

Различно было и отношение общин к пришлым. К ним принадлежали приписанные к общине для счета, принятые в зятья, усыновленные, приводные, незаконнорожденные дети, просто посторонние лица, жившие в общине. Одни общества давали им землю, другие нет. Главными причинами в принятии решения являлись вопросы размера и ценности земли. Там, где земля не особенно ценилась, ее охотно отводили людям, не имевшим права на надел (Там же: 310).

Воронцов представил интересный материал о правах на землю женщин и малолетних сирот. В некоторых местностях женщины были наделены достаточно широкими правами. Например, дочь нередко сохраняла право на землю умершего владельца даже в том случае, если выходила замуж за постороннее обществом лицо. В общинах, где практиковалась ревизская разверстка земли, женщины сохраняли право на землю только до нового передела или выхода замуж за иносельца, а местами и за однообщинника. В целом же Воронцов приходил к выводу, что «принципиально право женщин на надел вполне примиримо с *идеями* общинного землевладения, и последнее, по-видимому, находится на пути признания этого права фактически» (Там же: 317). «Сиротские» наделы, как правило, передавались до совершеннолетия ребенка избранному обществом опекуну, но бывали случаи, когда участки обращались в «мироплатимые» (Там же: 318).

Таким образом, община, несмотря на произошедшие изменения в пореформенное время, все так же стояла за защиту прав ее членов, принимала на себя в некоторых случаях функции призрения и гарантии их прав. Главным в определении принадлежности к сельскому обществу оставался труд на земле, который гарантировал получение надела, признание хозяйственной состоятельности и уважение односельчан.

Справедливость общинных порядков была самым непосредственным образом связана с вопросом о *равномерности распределения земли*. Воронцов убедительно доказывал, что не все семьи при общинном владении земель участвовали в пользовании мирскими угодьями. Он пытался также определить, насколько велика степень неравномерности разверстки участков при разных условиях и способах ее проведения (ревизская или наличная).

Прежде всего Воронцов привел данные о безземельных членах общины. Они были извлечены из земско-статистических сборников, составленных преимущественно на основе подворных опросов. Однако в них не всегда сообщалось о происхождении безземельных. Воронцов постарался восполнить этот пробел и пришел к выводу,

что подавляющее число безземельных дворов принадлежало к разряду семей, не имевших права на участие в мирской жизни: бывшие дворовые крестьяне, николаевские солдаты и их дети, разные лица, приписанные к обществу без права на землю (Там же: 327). Количество же людей, лишившихся земли по решению общин, было ничтожно. Так, в Мценском и Елецком уездах к их числу относился лишь 1% семей, имевших право на мирскую землю. В Болховском — 1,7%, в Кромском и Карачевском — менее 2%, в Трубчевском — около 3,5% (Там же: 328).

Рассматривал Воронцов и вопрос об отношении размеров семейного участка к числу едоков. Он обнаружил существование значительной разницы между общинами с ревизской и наличной разверсткой земли. По мнению экономиста, оценивать положение в них следовало «с точки зрения интересов потребления». В связи с этим эффективность распределения земли следовало рассматривать не через соотношение участков разных семей между собой, а через соотношение «величины участка семьи к ее потребностям, измеряемым числом душ обоего пола». Разверстка земли по наличным душам мужского пола (ревизская), «хотя бы она вела к образованию крупных участков, — может лучше удовлетворять высказанному требованию, если крупные участки даются при ней соответственно крупным семьям» (Там же: 333). В дальнейшем вместе с выделом из такой семьи взрослых сыновей количество наличной земли в наделе будет выравниваться. А наличная разверстка вела к уменьшению неравномерности в распределении земли, сокращала разницу между многоземельными и малоземельными группами семей, увеличивала численность лучше обеспеченных земель дворов.

Еще один вопрос, к которому обратился автор, касался того, как передел земли отражался на благосостоянии крестьян, терявших и выигрывавших на величине полученной земли. Воронцов считал, что ответ не находился в прямо пропорциональной зависимости от величины полученного участка. Это было вызвано тем, что крестьянин хозяйствовал не только на общинной, но и на арендованной земле. Кроме того, «чем менее крестьяне занимаются земледелием, тем более у них остается времени для подсобных заработков, к которым прибегает большая половина населения даже черноземной полосы. По этим причинам благосостояние населения вообще и тем более благосостояние отдельных хозяев не находится в исключительной зависимости от величины участка земли, полученного по мирской разверстке» (Там же: 339).

Зафиксировав, таким образом, несомненные преимущества наличной разверстки земли по сравнению с ревизской и показав зависимость благосостояния крестьянства от наличия подсобных заработков, арендованной земли, Воронцов завершал рассмотрение поземельных отношений в общине в статике. Выявленные им закономерности и существовавшие исключения относились к этапу ко-

ренных переделов, закреплявших основные правила на определенное количество лет.

Однако община *распоряжалась мирской землей и в промежутке между общими переделами*, а ее количество не оставалось неизменным, менялось как при помощи личных соглашений членов общины, так и путем вмешательства мира (Там же: 350).

Права общины в этом вопросе отличались в разных местностях страны. Там, где общества существовали давно и где успели выработаться соответствующие правила, «права отдельных лиц на землю ясны и узки, — писал Воронцов. — Еще в большей степени сказанное относится к случаям, где по тяжести платежей община должна вмешиваться в землепользование своих членов в промежутке между общими переделами; здесь юрисдикция общины вытекает из того, что отдельные ее члены не претендуют на особенные права на землю и добровольно передают миру ненужный им надел. Наконец, есть разряд общин, где мир не довольствуется вмешательством в землепользование в момент общего передела, где в видах равномерного распределения земли он систематически практикует частые переделы, или, не совершая таковых правильно периодически, он налагает стеснение на право распоряжения отдельных лиц своими участками, имея целью предупреждение скопления земли в одних руках и удержание ее за теми крестьянами, которые извлекают из-под нее доход собственным хозяйством, а не сдачею в аренду» (Там же: 352).

В зависимости от прав на полученные участки земли, которыми обладали конкретные общинники, а также в связи с длительностью промежутков времени между переделами происходило накопление на общине так называемых «мироплатимых», «убылых», «пустовых» душ. Под ними понимались наделы, не пристроенные в руки отдельных домохозяев и лежавшие своими платежами на всем обществе. Меньше всего таких душ было в местностях, где были широки права лиц, и где земля окупала платежи. Там всегда находились охотники принять такую землю (Херсонская, Курская губернии). Напротив, наибольшее число мироплатимых наделов имелось в местах, где сохранялась ревизская разверстка, существовали неблагоприятные условия для хозяйствования, где крестьяне были разорены и, бросив свои наделы, уходили на неопределенное время на сторону, а их платежи переходили на общину (Самарская губерния) (Там же: 360).

Состав мироплатимых наделов также находился в зависимости от прав отдельных членов в промежутке между переделами. Там, где дела обстояли относительно благополучно, участок переходил в руки ближайших или дальних родственников. В такой местности и переселенец легко находил желающего взять участок в аренду за деньги. Здесь обществу поступали лишь участки совершенно безродных хозяев. Мироплатимые души преимущественно состояли из выморочных наделов, наделов переселенцев,

лиц безвестно пропавших или давно отсутствовавших, сосланных в Сибирь, наделов сирот, взятых в опеку общиной до совершеннолетия, наделов, отобранных у неисправимых недоимщиков. К их числу примыкали участки, оказавшиеся после передела свободными, лишними и оставленными про запас на всякий случай (Там же: 361–362).

Наиболее распространенными формами использования таких участков являлись: сдача мироплатимой земли в аренду за подати или по вольной цене, разверстка ее по всем домохозяевам, отдача земли за подати в распоряжение малоземельных и безземельных членов общины. Наряду с этим нередко практиковалась навалка земли на сильных хозяев или обращение этой земли на мирские цели (толока, общественная запашка и т.п.). Выбор этих способов зависел от трех обстоятельств: отношения между доходностью наделов и платежами, от величины временных промежутков между переделами и «от живости общинных инстинктов в населении» (Там же: 366).

Там, где земля была плоха, желавших получить пустующие наделы практически не было, поэтому община вынуждена была искать «охотников» или наваливать их на домохозяев, способных вынести бремя платежей, или даже забросить землю, а раскладывать между членами общества одни платежи. Там, где давно не было общего передела, вполне естественным представлялось использовать мироплатимые наделы для сглаживания несоответствия между личным составом семей и величиной их участков. А там, где промежутки между переделами были более короткими или в общинах относительно недавно произошло равнение земли, община распоряжалась мироплатимыми землями в интересах всего общества. Земля обращалась в общественную запашку, отводилась под выгон, сдавалась в аренду в пользу мирской кассы (Там же: 366–377).

Опираясь на выявленные факты, Воронцов выделил несколько форм распоряжения мирской землей в промежутках между общинами ее переделами: 1) Раздел мироплатимой земли между всеми членами общества; 2) обращение мироплатимой земли в общественные угодья, под общественную запашку, на уплату жалованья должностным лицам и т.п.; 3) сдача мироплатимой земли в аренду за платежи или по вольной цене; 4) отдача мироплатимых наделов безземельным и малоземельным членам общества; 5) навалка земли на сильных хозяев и частные ее переделы («свалка-навалка»).

Пытался Воронцов сделать и «привязку» выявленных им способов к различным регионам страны. Так, в южной степной полосе (Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии) преобладало пользование землей в интересах всего союза: «отведение под толоку или общественную запашку, разверстка между всеми домохозяевами, сдача в аренду». В восточных степях (главным образом в Саратовской губернии), где благосостояние крестьян было подорвано неурожаями до такой степени, что кре-

стьяне перестали дорожить землей и главная масса мироплатимых душ образовалась из-за добровольного отказа от земельного участка, на первый план выступала разверстка мироплатимых наделов между зажиточными домохозяевами, принимавшая все более и более характер частных переделов. В Центральной России преобладал тот или иной способ, использование которого зависело от «качества почвы и живости общинного инстинкта». Скажем, в Курской губернии свободные наделы обращались или для сдачи в аренду, или поступали в разверстку между всеми домохозяевами. В Елецком уезде было распространено «стремление распорядиться мироплатимой землей в интересах малоземельных членов в общинах, удержавших ревизскую разверстку земли». А в Михайловском уезде, напротив, «отдача свободных наделов малоземельным встречается крайне редко». Да и вообще, по наблюдениям Воронцова, в этой полосе, там, где земля не окупала лежавших на ней платежей, более была распространена «насильственная передача свободных наделов исправным домохозяевам». По его мнению, община принимала в расчет силы и средства крестьянских дворов, и ее действия были направлены на то, чтобы навалка земли не привела «к еще большему их ослаблению и, пожалуй, к полной несостоятельности» (Там же: 368–369).

Особый интерес Воронцова вызывало обращение мироплатимых наделов в пользование безземельных и малоземельных членов. Такой способ использовался по разным причинам. Это могло быть вызвано чувством сострадания, желанием помочь неимущим, когда земля отдавалась бесплатно вдовам, сиротам, больным, старикам. В других общинах свободные наделы отдавались бессрочно отпускным или отставным солдатам старой службы. В-третьих, такой способ должен был смягчить недостатки несовершенной системы разверстки земли. В данном случае земля переходила «бессыновникам», семьям с большим числом женщин (при раскладке земли по душам мужского пола). Делалось это с целью «ослабить недоброжелательство бедных существовавшей (обыкновенно ревизской) разверсткой земли и отсрочить таким образом общий ее передел» (Там же: 369).

Подробно рассматривал Воронцов и способы распоряжения землями в местностях, где земля не окупала платежей. Здесь отказы составляли постоянное, широко распространенное явление и теряли характер случайного распоряжения «пустовыми» или «убылыми» душами. Передел земли совершался периодически и постоянно. Разверстка земли происходила «...не по потребности крестьян в земле, как в средстве прокормления, а по их состоятельности, измеренной или числом рабочих членов, или количеством скота...». Некоторые общины не ограничивались только величиной «силы» хозяйства, но принимали в расчет такие условия, как, например, «факт избежания семьей военной службы, ведущей к накидке пустовой души, или отдачи члена семьи в солдаты, за что она осво-

бождается от лишнего участка» (Там же: 370). Фактически «свалки-навалки», которые проводились под тщательным контролем общины, представляли собой «частный коренной передел в узком смысле слова». Своей целью они имели равномерное распределение существовавших платежей. По мнению Воронцова, они могли продолжаться до тех пор, пока ценность земли не повысится или не понизятся платежи (Там же: 371, 375).

Как и общие переделы, проводимое в промежутке между ними перераспределение угодий преследовало одну и ту же цель обеспечения справедливости и равенства членов общины в землепользовании. Распространение разных способов осуществления данной операции практически на всей территории Европейской части России служило для Воронцова подтверждением как укорененности обычаев и правил, так и присущей общине системе моральных ценностей, отступление от которой было в представлении крестьян не меньшим преступлением, чем нарушение заветов в хозяйственной сфере.

Рассмотрев количественные параметры обеспечения общинников землей, Воронцов не оставил без внимания и **порядки качественного уравнивания землепользования**. Как он писал, община стремилась наделить всех своих членов равноценными участками земли. Однако она лишь в редких случаях прибегала к предоставлению сплошных кусков, при которых качественные недостатки отводимых полос восполнялись бы соответствующим увеличением площади.

Главным и почти повсеместно распространенным приемом такого уравнивания являлась разбивка поля на несколько частей («конов», «столбов», «ярусов»), отличавшихся между собой качеством почвы, удаленностью от усадьбы, рельефом. Всем членам мира в этих частях предоставлялась определенная доля. Как отмечал Воронцов, «та чересполосица владений, которая является результатом разделения мирской земли на несколько полей в целях сельскохозяйственных, значительно усиливается благодаря еще большему раздроблению каждого поля уже в интересах строгого уравнивания» (Там же: 398).

Народнический экономист приводил интересную сводку материалов о том, на сколько долей в разных частях России разбивалась с этой целью пахотная земля. Так, в южной черноземной полосе число полос было гораздо меньше по сравнению с переходными от чернозема регионами, и тем более у нечерноземных (с плохой почвой). По сведениям Воронцова, получалось, что число полос в пахотном поле могло колебаться от 1 до 100 и более (Там же: 401).

В зависимости от этого находился и размер пайка, достававшегося членам общины при переделе. Например, в степной полосе он достигал десятины и более. В нечерноземных губерниях ширина полос, напротив, измерялась нередко аршинами, «лаптями», «ступнями». В результате лица, получившие в пользование одну

полосу, не имели возможности обрабатывать свой надел. Налицо была проблема, требующая решения, и община выработала способ устранения этого недостатка. Господствующей мерой стал обмен участков с целью увеличения их ширины (Там же: 402). В целом достижение полного качественного равенства могло привести к чрезмерной дробности, затруднявшей ведение хозяйства. В связи с этим община прибегала к довольно оригинальному приему: она мирилась с тем, что некоторые ее члены получали лучшие по сравнению с другими лицами участки. Но при этом община постановляла, что через известный промежуток времени будет проводиться «пересадка» с одних участков на другие или предстоит новое перераспределение земли по жребию (Там же: 407–408).

Кроме названной причины жеребьевки использовались и в других целях. Например, в южных губерниях при господстве переложного хозяйства, переход с толоки на пашню каждый раз сопровождался новым перераспределением земли с помощью жеребьевки (Там же: 409). Статистика жеребьевок, проработанная Воронцовым, показывала, что они были распространены в России весьма неравномерно. В некоторых уездах их почти не использовали, в некоторых — число общин, практиковавших жеребьевки, доходило до 50% и даже 80–90% (Там же: 409–410).

Если говорить о периодичности жеребьевок, то в черноземной полосе наблюдались короткие (до 6 лет) промежутки, в нечерноземной — длинные (10–20 лет). Наиболее краткие промежутки наблюдались в степной полосе, что объяснялось Воронцовым необходимостью обмена толоки на пашню с целью восстановления плодородия почвы (Там же: 410).

Наряду с описанием способов качественного уравнивания землепользования Воронцов поднимал весьма важный и дискуссионный в начале 1890-х годов вопрос о **влиянии общинного владения на удобрение полей**. Другими словами, насколько коренные переделы земли служили препятствием к повышению сельскохозяйственной культуры (Там же: 410). По его мнению, не переделы и жеребьевки мешали этому агротехническому мероприятию, а отсутствие у крестьян убеждения в необходимости подобной операции и разные неблагоприятные условия, свойственные крестьянскому хозяйству (недостаток скота, частые переверстки, отдаленность полей от усадьбы и т.п.). Причины слабого распространения удобрения крестьянских полей Воронцов усматривал в том, что «замечное истощение почвы проявилось на черноземе лишь в последние 15–20 лет, местами и того позже; что в некоторых местностях польза удобрения отрицается даже многими крупными землевладельцами» (Там же: 412).

Подводя итог рассмотрения этого частного вопроса, Воронцов делал вывод, который затрагивал гораздо более широкий круг проблем деятельности сельских жителей: «Итак, неудобства в расположении надела, отсутствие сколько-нибудь организованного креди-

та и проистекающая отсюда необходимость продавать труд в самое горячее для земледельца время; условия найма удобней, без которых крестьянину обойтись невозможно; отсутствие древесного топлива; слабое развитие промыслов, на которые бы падала часть расходов по содержанию семьи, — вот целый ряд обстоятельств, препятствующих более или менее широкому применению крестьянами удобрения своих полей» (Там же: 415). Там же, где переделы действительно мешали удобрению полей (часто повторяемый обмен участков, отказ состоятельных крестьян в ожидании ревизии удобрять свои участки и др.), вопрос заключался не в их существовании, а во временной неопределенности их проведения (Там же: 416, 419–420).

В связи с этим Воронцов провел изучение вопроса о сроках общинных переделов. Им был «перелопачен» гигантский фактический материал, который дал возможность сделать заключение, что более чем в половине обследованных общин были установлены продолжительные сроки переделов (от 10 до 20 лет). Около 8–9% назначили средние сроки в 7–9 лет. 13% приняли короткие сроки (от 1 до 5 лет). И только 6% не назначили никаких сроков для следующего передела. Короткие сроки переделов были характерны для общин восточных и южных степей, где земля почти не удобрялась. Общества центральной полосы обычно назначали длительные сроки для переделов (Там же: 422). Устранить недостатки коренных переделов земли Воронцов считал возможным путем назначения для них более длинных сроков нахождения земли в определенных руках, чтобы «удобрение полей сделалось обычным приемом массы членов общины, как скоро они считают его полезным» (Там же).

Что же касается жеребьевок, которые Воронцов считал «наибольшим препятствием сельскохозяйственным улучшениям», то они повторялись все реже и реже, и даже совсем отменялись или на всем поле, или в его удобренной части (Там же: 425–426). Жеребьевки и переделы могли проводиться и при помощи так называемой «подвижки». При использовании такого способа члены общины не получали новых участков, а лишь подвигались, на сколько нужно в одну или другую сторону. В результате такой операции большинство хозяев сохраняли за собой большую или меньшую часть собственного надела (Там же: 426).

В очередной раз Воронцов частными выводами дополнял и расширял собственную аргументацию, направленную на доказательство жизненной силы, стойкости и гибкости общины при решении как хозяйственных, так и связанных с ними социальных вопросов. Даже объяснение такому очевидному недостатку крестьянской агрикультуры, как отказ от унавоживания полей, он находил не в традиционности общинных поземельных правил, а в общем тяжелом экономическом положении крестьянского хозяйства.

Завершив рассмотрение действий общины, связанных с пахотной землей, Воронцов обратился к порядкам пользования ею дру-

гими видами угодий: *сенокосами, выгонами, лесами и крестьянскими усадьбами*.

По данным земской статистики, *сенокос* имелся далеко не у всех общин. Например, бывшие помещичьи крестьяне получили по реформе 1861 года крайне мало таких угодий. К тому же из-за нехватки пашенной земли часть из них пошла под пашни, часть — для сдачи в аренду. В результате большая часть общин черноземной полосы совсем не имела лугов. В степной полосе этот недостаток возмещался возможностью использовать под сенокосы участки, находившиеся в залежи (Там же: 459).

Сенокос подлежал разверстке большей частью ежегодно. Общинники обращали внимание на урожай травы в данном году и делили луга на неопределенное количество частей, неравных по площади, но обещавших одинаковое количество травы. Эти участки распределялись по жребью между отдельными хозяевами или группами хозяев. Существовали, однако, и общества, которые делили сенокосные угодья не каждый год, а раз в несколько лет, например, вместе с разделом пашни. Другой довольно распространенный способ состоял в уборке покоса всем миром с последующим разделом сена между общинниками. Он использовался в тех местах, где по незначительности, разнокачественности и неудобному положению покоса представлялось затруднительным разделить его между хозяевами (Там же: 461–463).

Пастбища находились в постоянном пользовании только на южной и восточной окраинах России, где и встречалось уравнение их пользования. Здесь площадь, отводимая под пастбища, была обширна, и численность скота служила показателем состоятельности крестьянина. Правда, выявленная земскими статистиками борьба за «урегулированное пользование пастбищами» развернулась, как писал Воронцов, в течение последних 10–15 лет (Там же: 470–471). Общины центральной части страны относились к подобному уравнению прав своих членов довольно индифферентно.

Нормировка использования пастбищ обычно заключалась в назначении числа голов скота, которые предполагалось пустить бесплатно на выпас каждому хозяину, или в обложении каждой головы скота, выпускаемой на общественные угодья, особым сбором. Также практиковался такой способ, как отрезка под толоку от каждого хозяина участка, пропорционального имевшемуся у него скота. Существовало и отведение выгона бедным хозяевам отдельно от богатых (Там же: 471–472).

Но в целом никаких проблем с распределением пастбищ не возникало. Они появлялись только там, где «...по недостаточной величине или по дурнокачественности почвы надела вся земля общества или значительная ее часть обращена в выгон». В таких обществах практиковалась «свалка-навалка» душ. В некоторых из них был поставлен вопрос об отведении части выгона под распашку для «бескотных хозяев». Здесь каждый хозяин имел право «...пасти

на общественном выгоне определенное количество скота (по числу ревизских душ), у кого же скота меньше нормы, тот имеет право пользоваться остальной землей для посева хлеба; уравнивание земельпользования производится при помощи ежегодно повторяющейся перевалки душ пашенных и выгонных, причем общий размер выгона остается неизменным» (Там же: 472–473).

Усадебная земля имела большую ценность по сравнению с другими угодьями. Права хозяев на нее, естественно, были шире, чем права на пахотную землю. Они выражались в том, что: во-первых, усадьбы считались как бы в частном владении и могли свободно переходить из рук в руки; во-вторых, регулирование владением усадебной землей возникло позднее нормировки пользования другими угодьями; в-третьих, регулирование усадебных угодий совершалось с большим вниманием к интересам владельцев по сравнению с пашней (Там же: 477).

«Вмешательство общины в пользование усадебным угодьем обнаруживается тем ближе к нашему времени, чем позже заселилась местность...», — отмечал Воронцов. Поскольку степная полоса заселялась гораздо позже, то здесь наблюдалась «большая неравномерность усадебных участков отдельных членов» и «присутствие немалого числа посторонних владельцев». Именно поэтому разворачивалась борьба за общинное регулирование усадебной земли. Например, во всех селениях бывших государственных крестьян Славяносербского уезда происходили «горячие споры, всюду крестьяне жалуются на неравномерность в распределении усадебной земли и громко высказываются за изменение таких порядков» (Там же: 478–479, 481).

Уравнивание пользования усадебными участками в тех местах, где оно вошло в практику, обычно осуществлялось одним из 4 способов: 1) прямым перераспределением земли между членами общины; 2) расширением участков малоусадебных лиц через обращение под усадебные культуры пахотной земли; 3) уравниванием излишнего и недостаточного усадебного участка отрезкой и прирезкой пахотного поля; 4) обложением всей или излишней доли усадьбы особым сбором (Там же: 489). Из них Воронцов считал наиболее распространенным уравнивание усадебных мест путем соответствующего сокращения или расширения пахотного поля. За ним следовал способ отрезок-прирезок угодий. На третьем месте по распространенности находилось обложение усадьбы денежным платежом. И, наконец, использовалось расширение усадебного угодья малоземельных членов общины за счет общинного выгона или пашни (Там же: 490).

Лес представлял значительную ценность для крестьян и как строительный материал, и как топливо. Правда, в Черноземье для отопления использовалась солома, а в степной полосе навоз. По условиям отмены крепостного права, бывшие помещичьи и государственные крестьяне были поставлены в разные условия. Первые

были лишены леса, а вторые — сохранили право получения в надел вместе с другими угодьями и леса. Лесные участки бывших государственных крестьян были обложены особым лесным налогом (Там же: 491). Это не спасло от нерасчетливого использования леса. «Крестьяне стали очень быстро сводить леса», не соблюдая никаких правил. «Неверность дохода от земли» заставляла использовать лесные угодья в качестве некоего запасного фонда, к которому «обращались в затруднительных случаях... существования» (продажа с целью уплаты податей, обеспечение продовольствием и т.п.). Однако, по словам Воронцова, ситуация менялась в лучшую сторону: сельские общества стали принимать меры, направленные на ограничение вырубки и на выращивание на месте вырубленного нового леса (Там же: 492).

Лесные угодья распределялись между семьями по тем же единицам, что и пашня. При этом внимание обращалось на то, чтобы уравнивать качество получаемых членами общины лесных материалов. Способы такого уравнивания отличались чрезвычайным разнообразием. Например, в Московской губернии все деревья, подлежащие разделу, сосчитывались и делились сообразно их качеству на несколько разрядов. Затем определялось, сколько корней каждого разряда приходилось на душу. Весь выявленный лес делился на доли, а затем бросался жребий. Из приходившейся на группу крестьян доли каждый получал доставшийся ему участок. В расчет принималось все: обхват и длина ствола, его правильность, количество сучков, порода дерева и т.п. Мелкий лес и кустарник развешивался делянками или полосами, «уравнение душевых участков достигается их увеличением или уменьшением, сообразно качеству поросли» (Там же: 493–494).

Кроме разверстки леса в натуре существовали и другие способы. Некоторые общества определяли время для совместной рубки леса, другие вычисляли количество дров с душевого участка, третьи ограничивали использование леса только запрещением его продажи на сторону. Наконец, встречались и такие общины, которые допускали свободное пользование лесом (Там же: 494–495).

Изучение Воронцовым регулирования общиной непашенных угодий еще раз подтверждало существовавшие в крестьянском мире правила равенства и справедливости. И в этом вопросе они оставались постоянными и неизменными в разных местностях страны. Народнический экономист в очередной раз настойчиво и последовательно проводил эту мысль и стремился закрепить ее в сознании читателей.

Большой интерес для Воронцова представлял вопрос об **организационных формах** общины. В первую очередь он сопереживал с их эволюцией в настоящем и будущем. Исследователь выделял несколько видов крестьянских обществ. В соответствии с использованной им классификацией, если община занимала целое селение, она называлась *простой*. Если существовала только в части

селения, то именовалась *раздельной* или *дробной*. А если в состав общины входило несколько селений или частей — *сложной* или *составной (волостной)*. В количественном отношении преобладали простые общины, затем следовали раздельные, и реже всего встречались составные.

Раздельные общины были распространены среди бывших помещичьих крестьян. Причиной этому служило то, что при крепостном праве отдельные части селения могли принадлежать разным владельцам. Среди бывших государственных крестьян такие общины образовались путем распада крупного поселения, ранее составлявшего одну общину, на две или более частей (Там же: 535). Сложные общины, по проведенным Воронцовым изысканиям, существовали в каждом уезде в количестве от 4 до 10. В огромном большинстве они принадлежали к разряду бывших государственных крестьян. Появились такие общины в результате расселения крестьян из одного села без прекращения хозяйственной связи с коренным поселением. В южных регионах страны образование сложных общин являлось естественным моментом колонизации степей (Там же: 538, 541). Таким же естественным моментом являлось и распадение сложной формы общины на простую. Связано это было с тем, что большая величина общины мешала выполнению возложенных на нее функций (сложность проведения общего схода, распределения земли и т.п.) и препятствовала хорошему знанию хозяйственного положения каждого члена общества (Там же: 541). Воронцов указывал, что сложные общины пытались примирить разные противоречия и несогласия с интересами целого союза. Останавливался он и на процессе разложения сложных общин и установлении порядков, приходящих им на замену.

Очень многое в этом процессе, по замечанию Воронцова, зависело от психологических моментов. Если распределение земли между селами делалось с должным вниманием к интересам всех поселений, какими бы мелкими они ни были, «в таком случае сложная община имеет много шансов на благополучное существование. Если же, напротив, крупные села, имея больше голосов, обижают мелкие... при таких и подобных им обстоятельствах в общине будет назревать недовольство существующим, стремление к разделению, которое рано или поздно осуществится» (Там же: 543). В этом отношении спасению сложной общины не могло способствовать даже коллективное владение сенокосными или лесными угодьями. Напротив, оно вело «к еще большим ссорам совладельцев». Причиной этого становилось различное использование угодий (Там же: 544–545).

Однако наряду с распадением сложных и крупных общин Воронцов отмечал и противоположную тенденцию, когда несколько небольших по количеству дворов общин считали возможным и необходимым соединять усилия для улучшения своего состояния. Это

наблюдалось, например, при принятии решения о совместном с соседями выпасе скота. При этом требовалось, чтобы было заведено общее стадо и «озимые, яровые и паровые клины всех общин были смежны друг с другом». Такой союз нескольких общин встречался довольно часто. Например, в Московской губернии к нему прибегали $\frac{2}{3}$ обществ. Следующим шагом в этом направлении становилось уничтожение границы между землями и сведение двух площадей в одну. Но при этом каждая отдельная община получала именно тот размер участка, какой она вложила в общее владение (Там же: 545–546).

В дальнейшем вполне естественным становилось «слитие» нескольких общин в одну при равном разверстании земли между всеми домохозяевами. «Такое соединение, иногда совершаемое на определенный срок, всего легче устраивается в случаях равного у всех общин надела», — писал Воронцов. Естественно, препятствием являлось «резкое различие в имущественной состоятельности разных общин». Однако нередки были случаи слияния двух и более общин, несмотря на различие в величине надела, а «мелкие различия иногда уравниваются денежными приплатами» (Там же: 547).

Рассматривая различные варианты эволюции форм общины, Воронцов не напрямую, в значительной мере опосредованно, но настойчиво проводил мысль о том, что на подобные действия способен отнюдь не стагнирующий, а, напротив, полный сил институт народной жизни.

Затаенные, но вместе с тем существенные потенции проявлялись и в пользовании *несельскохозяйственными общинными угодьями*. Воронцов останавливался на таких вопросах, как эксплуатация крестьянским миром имевшихся на его землях каменоломней, залежей глины, торфа, рыбной ловли, мельниц и т.п.

В тех случаях, когда такие угодья использовались не для извлечения дохода, а только для удовлетворения потребностей членов общества, община не применяла строгих правил регулирования. А вот «Там же, где сбыт на сторону изделий доставляет производителям порядочный доход или грозит истощением нужного самим крестьянам материала, общество нередко вносит ограничения в право пользования угодьем, запрещая продажу продуктов на сторону, облагая добычу его известным сбором, развертывая угодье между членами по принятому для разверстки земли основанию и т.п. В тех случаях, когда это возможно, общество извлекает из принадлежащего ему угодья доход путем сдачи его в аренду под разработку» (Там же: 551).

Вода играла в хозяйственной жизни крестьян существенную роль и служила «объектом особых мероприятий:

- 1) как предмет потребления в крестьянском быту и хозяйстве;
- 2) как источник для другого предмета потребления — рыбы;
- 3) как источник двигательной силы» (Там же: 555–556).

Каких-то особых правил в использовании воды не существовало. В том случае, когда требовались затраты денежных средств и физического труда для рытья колодцев, устройства запруд, плотин и содержания всех этих сооружений в исправном состоянии, община развertyвала их по душам, дворам и т.п. Но существовала и строгая регламентация в случае недостатка водных ресурсов.

Рыбные ловли или предназначались для использования членами общины, или для сдачи в аренду, но при условии предоставления общинникам права ловли рыбы небольшими снарядами. В первом случае практиковались совместные ловли всеми крестьянами. Интересный пример такого пользования ловлями несколькими деревнями давала Наровская волость Ямбургского уезда, где берег разбивался на 12–15 участков, соответственно числу прибрежных деревень. Ширина участка несколько превышала ширину невода (около 200 сажень). Лов совершался целую зиму артелью из 10 человек обоого пола (Там же: 557).

Эксплуатация воды в качестве *двигателя* была сопряжена со значительными затратами, и поэтому могла быть доступна только немногим членам общины. А общество, пытаясь извлечь выгоду, сдавало берега реки в аренду под постройку мельниц. Практиковались и другие способы — строительство собственной мельницы и наем для ее эксплуатации мельника, переход в собственность общины сооружений бывших арендаторов, покупка мельниц на стороне. Поскольку берега реки принадлежали разным владельцам, то нередко были случаи принадлежности мельниц разным обществам (Там же: 559).

Однако общие интересы общины далеко не всегда проявлялись и закреплялись в совместной практике крестьян. Негативные последствия индивидуалистических тенденций явно просматривались в приводимых Воронцовым *данных об общественных запашках* в разных регионах страны. Цель их создания состояла или в заполнении хлебных магазинов, или в удовлетворении различных временных или постоянных мирских нужд, в число которых входили: жалованье священникам, низшим должностным лицам, средства для оплаты арендованной земли, для поддержки училищ, для содержания сирот, дряхлых и т.п. (Там же: 562). Уже перечисление целей, на которые предназначались средства, получаемые с общественных запашек, свидетельствовало о непостоянстве их использования и существования. И это подтверждалось историей их организации и функционирования. Общественные запашки появились еще в дореформенное время преимущественно у государственных крестьян и военных поселян. После отмены крепостного права они стали быстро исчезать. Главным в уничтожении общественных запашек являлось их устранение как «средства для пополнения продовольственных магазинов» (Там же: 563–564). Подобные факты были весьма распространенными, но не повсеместными. В некоторых местах общественные запашки сохранились, но развивать-

ся им предстояло в сильно изменившихся условиях: во-первых, исчезла посторонняя власть, настаивавшая на учреждении запашек, во-вторых, сильное распространение получило крестьянское малоземелье, в-третьих, происходило «резкое расчленение» общины на богатых и бедных (Там же: 565). При опросе крестьян по вопросу организации общественных запашек в пореформенное время выяснилось, что они появились «не по свободной инициативе обществ, а под влиянием со стороны, по совету помещика или мирового посредника, по предложению земства, “по предписанию волости” и т.п.» (Там же: 567).

Так, из 169 опрошенных обществ трех уездов Саратовской губернии 146 высказались против общественной запашки и только 23 за нее. Причины такого отношения заключались в сложности привлечь крестьян к совместной работе в тех местах, где многие лица уходили на сторонние заработки, где существовало устойчивое нежелание отводить под общественную запашку часть надела. Несмотря на то, что сторонники общественной запашки настаивали, что трудом легче сделать взнос в хлебный магазин, это мнение не встречало поддержки большинства общины. Хотя «работа для крестьянина всегда не так ценна, как продукт ее, уже выраженный в конкретной форме», каждый вносивший запасной хлеб, писал Воронцов, «смотрит на вложенное им зерно как на свою собственность и требует, чтобы оно пошло не нуждающемуся, а ему, всыпавшему». Наряду с этим было «замечено, что между богатыми и кулаками встречается больше противников, чем сторонников общественных запашек, а между бедными — наоборот» (Там же: 568–569, 571).

В результате оказывалось, что «общественные запашки, по крайней мере имеющие целью образование хлебных запасов, распространены почти исключительно в сравнительно редко населенной, степной полосе». Под них отводились наделные или арендованные земли. В первом случае — мироплатимая или нарочно отрезанная с соответствующим уменьшением наделов всех хозяев. К арендованной земле прибегали преимущественно бывшие помещичьи крестьяне, главным образом дарственники, лица, получившие наименьший надел. В среднем крестьяне на юге страны выделяли по 1 десятине от 7–8 дворов (Там же: 572–573).

В большинстве случаев под общественную запашку отводили лучшие и наиболее близкие к поселению земли. Но там, где к общественным запашкам было весьма скептическое отношение, под них выделялись худшие и дальние участки. «Обработка земли, находящаяся под общественной запашкой, — писал Воронцов, — производится или наймом, или собственным трудом членов общины. Первый вид встречается сравнительно редко и применяется или ко всем операциям, или только к некоторым» (Там же: 574–575). Наиболее распространенным способом обработки запашек Воронцов считал «исполнение каждым хозяином тех работ, какие возможны по его

хозяйственной состоятельности... Чаще всего встречается порядок, при котором на хозяевах, имеющих скот, лежат только работы, требующие участия последнего, а на бесскотных — исполнение остальных работ» (Там же: 576). «Принятое распределение работ, — отмечал народнический экономист, — не всегда строго соблюдается, причем наичаще, по-видимому, встречаются случаи, когда зажиточные хозяева берут на себя больше работы; в некоторых случаях это делается потому, что они имеют особые выгоды от пользования общественной толокой» (Там же: 577). Работа на общественной запашке распределялась или между хозяевами, или частями общества. Распоряжение хозяйственными действиями лежало или на сходе, или на особо выбранных для этой цели лицах. За неисполнение возложенной на хозяев работы в некоторых общинах крестьяне штрафовались водкой или деньгами. Также в некоторых общинах денежным сбором облагались хозяева, отсутствовавшие в поселении и поэтому не принявшие участие в работе (Там же: 578).

При всем сочувствии Воронцова к совместным работам крестьян объективное рассмотрение использования общественных запашек не давало ему права сделать вывод об их широком распространении. Скорее, наоборот, напрашивалась констатация сдержанного, если не сказать настороженного, отношения крестьян к внедрению подобной практики.

А вот такие *общественные предприятия*, как осушение болот, устройство прудов и лиманов для орошения полей, расчистка лесов, укрепление летучих песков и т.п., Воронцов широко освещал и активно пропагандировал. Эти хозяйственные работы не принадлежали к числу обязательных повинностей, таких как починка мостов и дорог, устройство изгородей вокруг полей. Но имели они не меньшее, если не большее значение для развития самодельности общин. Такие работы производились или личным трудом всего общества, или наймом. Трудовые или финансовые затраты распределялись в большинстве случаев по надельным душам.

В нечерноземной России чаще всего практиковалась осушка болот для обращения их в покосы. Например, в Московской губернии число деревень, принимавших участие в подобных мероприятиях за десятилетие (в 1880-е гг.), колебалось от 180 до 200 (14–16% всех деревень) (Там же: 580).

Не менее масштабными были работы и по орошению лугов, садов, образованию водохранилищ. Например, в Новоузенском уезде коллективным трудом общин было устроено до 1000 прудов (для водопоя скота или для орошения лугов) и несколько сот колодцев. По мнению Воронцова, слабая сторона орошения полей состояла в том, что работы совершались без руководства специалистов и нередко заканчивались неудачей (Там же: 582–583). Подобный вывод был вполне объясним, учитывая принадлежность народническо-

го экономиста к сторонникам так называемой «теории малых дел», в которой существенное место отводилось деятельности квалифицированных земских служащих.

Воронцов посчитал необходимым затронуть и вопрос о действовавшей в общине разверстке платежей, которые, как правило, раскладывались на землю по тем же единицам, что и разверстка участков. Правда, в некоторых местностях степной полосы, где крестьяне имели возможность арендовать большое количество земли и держать много скота, именно скот начинал становиться лучшим показателем зажиточности крестьянина (Там же: 587–588).

* * *

Рассмотрение содержания книги Воронцова позволяет отнести ее к категории фундаментальных работ и согласиться с большинством оценок Чупрова, приведенных в начале статьи. Действительно, по охвату материала, детальности и скрупулезности проведенного анализа она не имела себе равных. И это на фоне того, что в пореформенное время наблюдался буквально обвалный рост интереса к общинной проблематике. Достаточно сказать, что «если к 1850 г. о сельской общине в России было издано только четыре работы, а к 1855 — пять, то за пятилетие с 1856 по 1860 г. — 99, а к 1880 — 546. По другим библиографическим подсчетам, за 1876–1904 гг. вышло в свет более 2 тыс. книг и статей, посвященных сельской общине» (Александров, 1976: 3).

Благодаря проведенному исследованию Воронцову удалось убедительно доказать, что община не являлась рудиментом прошлого, как считали представители либерального и марксистского течений общественной мысли. В процессе социально-экономической эволюции пореформенного времени она сумела не только сохранить присущие ей в течение веков функции защиты сельского мира, но и выработать новые средства, направленные на реализацию принципов равенства и справедливости, на адаптацию жителей деревни к условиям рыночной экономики. Община активно сопротивлялась проникновению товарно-денежных отношений, однако эффективность этих средств уже не везде и не всегда была высокой. Явно обозначившаяся индивидуалистическая тенденция, на что совершенно справедливо указывал народнический экономист, все более набирала силу и угрожала разрушением общинной организации.

Для доказательства своей позиции Воронцов активно использовал позитивистский принцип экспозиции материала, включавший широкое представление примеров, иллюстрировавших выдвинутый аргумент. Причем это делалось не только в тексте, но и в качестве приложений к определенным разделам книги. Автор словно

пытался объемом информации подавить любые сомнения в отношении проведенной им интерпретации собранных сведений. И во многом оказывался заложником избранного подхода.

Пример не является доказательством. Собранные факты требуют не только группировки, но взвешенных и дополняющих друг друга выводов по каждому разделу. А Воронцов сознательно и намеренно воздерживался от этого, оставляя ответы на многие возникавшие вопросы размышлению читателей. Не представил он и обобщающего заключения сочинения. В результате, несмотря на намерение автора осветить весь комплекс проблем, связанных с существованием общины, книга приобрела характер очерковости.

Да и обратился Воронцов в первую очередь к распределительно-производственной функции общины, которая представлялась ему, несмотря на неоднократно подчеркиваемую объективность экспозиции материала, наиболее приемлемой для крестьянского мира и наиболее обеспечивающей существование сельских жителей по закону справедливости и согласия. Воронцов отнюдь не отрицал наличие индивидуалистических тенденций, которые набирали силу в пореформенной общине. Напротив, он опасался их, указывал на борьбу середняков за сохранение традиционных отношений. Однако в его исследовании преобладали в лучшем случае все более ослабевавшие надежды на спасительную силу общинной организации хозяйства.

Финансово-податные обязанности были представлены гораздо более скромно. Правотворческие, судебные меры и способы социальной защиты составляли своеобразный фон работы. Их существование признавалось, подразумевалось их влияние на жизнедеятельность крестьян, но впрямую они не рассматривались. А такие ее функции, как представительская, полицейская, культурно-воспитательная, религиозная были проигнорированы.

И, наконец, самый существенный недостаток, который, по нашему мнению, присущ «Крестьянской общине», состоит в том, что Воронцов практически не затронул противоречий, существовавших между общинным характером поземельных отношений и индивидуальной по своей сути хозяйственной практикой крестьянства. В действительности большинство проблем общины, отмеченных Воронцовым, выростали из них. Рассмотрение богатого и содержательного материала, которым он оперировал, под этим углом зрения могло бы разрушить многие заблуждения в отношении общинной крестьянской психологии, в частности о коллективизме сельских жителей. В действительности русский крестьянин, как и крестьянин любой страны, является индивидуалистом. Он крайне неохотно соглашается на совместные действия, если они напрямую не влияют на улучшение его благосостояния. И материалы Воронцова о достаточно прохладном отношении крестьян к общественным запашкам, может, даже вопреки его воле, это наглядно подтверждали. Побудительным мотивом к объединению и совместным согласован-

ным действиям сельских жителей могли стать только чрезвычайные внутренние или внешние обстоятельства. В обыденной жизни крестьянина волновали лишь конкретные вопросы быта и хозяйствования. В социально-политическом плане он достаточно долго мог оставаться безынициативным и инертным, полагаясь на присущие ему долготерпение и традиционное умение приспособливаться к неблагоприятным условиям существования.

Библиография

- Александров В.А. (1976). Сельская община в России (XVIII — начало XIX в.). М. Библиографический отдел. В.В. Крестьянская община (1892) // Русская мысль. № 7. С. 317–319.
- В.В. (Воронцов В.П.) (1896). Милостивый критик // Новое слово. № 7. С. 44–59.
- Воронцов В.П. (1892). Крестьянская община / Итоги экономического исследования России по данным земской статистики. Т. 1. М.: Типография А.Н. Мамонтова и Ко.
- В.Я. (Яроцкий В.Г.) (1892). Новые книги В.В. Крестьянская община // Русское богатство. № 9. С. 22–26.
- Новые книги. В.В. Крестьянская община (1892) // Северный вестник. № 8. С. 68–73.
- Раевский М. (1892). Рефераты. В.В. Крестьянская община // Известия Императорского географического общества. Вып. 2. С. 227–235.
- Чупров А.И. (1893). Итоги общинного земледелия (В.В. Крестьянская община) // Русская мысль. № 9. С. 67–87.

To the anniversary of the half-forgotten book (V.P. Vorontsov's *Peasant Community*)

Vasily V. Zverev, DSc (History), Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 117292, Moscow, Dmitry Ulyanov St., 19. E-mail: v.v.zverev@bk.ru

Abstract. The article considers the main ideas of the outstanding Russian economist and publicist V.P. Vorontsov as represented in his work *Peasant Community* published in 1892. This book provides a detailed examination of the *zemstvo* statistical data in order to refute the theory of the rudimentary nature of the peasant community. To prove his ideas, Vorontsov used the objectivist approach in the selection and presentation of the data. He showed that in the post-reform era, the peasant community not only kept its functions of protecting the rural world but also developed new means for implementing the principles of equality and justice and for adapting peasants to the market economy. The peasant community resisted the commodity-money relations, but this resistance was not always effective. There was a growing individualistic trend which threatened to destroy the community organization. Vorontsov focused on the distribution-production functions of the peasant community rather than on its financial-tax, law-making, judicial functions and methods of social protection, and did not consider its representative, police, cultural-educational, religious functions or the contradictions between the communal nature of land relations and the individual economic practices of the peasantry. Vorontsov's book is a real encyclopedia of the activities and worldview of the Russian peasantry in the second half of the 19th century.

Key words: V.P. Vorontsov, peasant community, land redistribution, individualism of the peasantry, communal and household land tenure, agriculture

- ТЕОРИЯ Aleksandrov V.A. (1976) *Selskaya obshchina v Rossii (XVIII — nachalo XIX v.)* [Rural Community in Russia (18th — early 19th Centuries)]. Moscow.
- Bibliografichesky otdel. V.V. Krestyanskaya obshchina (1892) [Bibliographic department. V.V. Peasant community]. *Russkaya mysl*, no 7, pp. 317–319.
- Chuprov A.I. (1893) Itogi obshchinnogo zemledeliya (V.V. Krestyanskaya obshchina) [The results of communal agriculture (V.V. Peasant Community)]. *Russkaya mysl*, no 9, pp. 67–87.
- Novye knigi V.V. Krestyanskaya obshchina [New books. V.V. Peasant Community] (1892) *Severny vestnik*, no 8, pp. 68–73.
- Raevsky M. (1892) Referaty. V.V. Krestyanskaya obshchina [Abstracts. V.V. Peasant Community]. *Izvestiya Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 2, pp. 227–235.
- V.V. (Vorontsov V.P.) (1896) Milostivy kritik [Gracious critic]. *Novoe slovo*, no 7, pp. 44–59.
- V.Ya. (Yarotsky V.G.) (1892) Novye knigi V.V. Krestyanskaya obshchina [New books by V.V. Peasant Community]. *Russkoe bogatstvo*, no. 9, pp. 22–26.
- Vorontsov V.P. (1892) Krestyanskaya obshchina [Peasant community]. *Itogi ekonomicheskogo issledovaniya Rossii po dannym zemskoy statistiki*, vol. 1. Moscow: Tipografiya A.N. Mamontova i Co.